

ГЛАВА ВТОРАЯ

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд не-описанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные громадные бюстры, и посредине под валдахином стоит Аболон полведерский.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзы мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит.

Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую пере-
молвку, сейчас подвели его к самому Аболону полве-
дерскому и берут у того из одной руки Мортимерово
ружье, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производитель-
ность, — и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спо-
койно, потому что у него такие в Царском Селе есть,
а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого ма-
стерства — ее наш адмирал у разбойничьего атамана
в Канделабрии из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.
Вздохнулся ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже
можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски
оборачивается и говорит: — Вот если бы у меня был
хотя один такой мастер в России, так я бы этим весь-
ма счастливый был и гордился, а того мастера сей-
час же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил пра-
вую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда
ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не от-
воряется», а он, внимания не обращая, ну замок ко-
вырять. Повернул раз, повернул два — замок и вы-
нулся. Платов показывает государю собачку, а там

на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:
— Ох-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел!

«Через что это государь огорчился? — думал Платов, — совсем того не понимаю», — и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел.

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

